

ARMINFO

Independent News Agency

20.04.09

Наукоемкая экономика не может быть построена на заявлениях

Интервью с директором исследовательского центра «Экономика и ценности», управляющим партнером EV Consulting Мануком Ергняном



В 2009 г. на финансирование науки из госбюджета выделено 8,3 млрд. драмов, или 0,8% госбюджета. Как это совмещается с планами государства по построению наукоемкой экономики?

Скажем прямо – не соотносится. Страна, которая ставит перед собой задачу создания наукоемкой экономики, не должна иметь подобных параметров. Расходы на научные разработки в Армении составляют приблизительно 0,2% от ВВП, что намного уступает показателям сопоставимых с нами стран. Если говорить о кадрах, то число научных работников снизилось с 25 тыс. в 1990 г. до 5 тыс. сегодня. Наконец, студенты технических специальностей составляют у нас всего 6% от общего числа студентов. Это ниже, чем, к примеру, в Киргизии и Таджикистане. Естественно, этот параметр не является столь однозначным, учитывая качество обучения в большинстве наших частных вузов, которые в основном специализируются на гуманитарных направлениях. Но эта цифра свидетельствует уже о том, насколько низко воспринимается сегодня армянским обществом высшее техническое образование. Все это приводит к тому, что наше научное производство и степень его коммерциализации остаются весьма низкими. Есть еще один показатель: доля высокотехнологической продукции в общем объеме экспорта страны. У Армении он составляет примерно 1%. Среди стран Восточной Европы и Ближнего Востока мы пока занимаем незавидное место – на уровне Турции, Египта, Киргизии.

Почему в научные разработки не спешит вкладывать бизнес?

Инвестиции в научные разработки требуют долгосрочного планирования – именно это и останавливает бизнес. Можно предположить, что по достижении определенного уровня развития, компании начнут осуществлять существенные инвестиции в научные разработки, но это связано и с изменением культуры корпоративного управления.

Почему, несмотря на рост ВВП, зарплаты в Армении остаются низкими? Как известно, ваш Центр занимается этой проблематикой.

Когда мы смотрим на основные показатели развития Армении в 90-е годы, мы видим, что хотя по объему ВВП Армения превысила показатель 1990 г., но по реальному уровню зарплаты этого сделать не удалось. Конечно, едва ли было бы правильно решать вопрос административными способами – здесь законы должны диктовать рыночные отношения.

Проблема в том, что, во-первых, производительность рабочей силы пока крайне низка, и во-вторых, в Армении довольно высок уровень скрытой безработицы. Эти два фактора мешают адекватному росту зарплат. И мировой экономический кризис только усугубит ситуацию. В Армении безработица и сокращения еще не приняли таких масштабов, как в России или на Западе. Но это не означает, что мы от этого застрахованы, так как кризис пришел в Армению с определенным опозданием. Это содержит в себе большие риски, и если они оправдаются, то о повышении зарплат не может быть и речи.

Не думаете ли Вы, что индекс Джини, отражающий степень различия доходов богатых и бедных слоев населения, который для Армении и так достаточно негативен, в результате кризиса примет и вовсе угрожающие размеры?

Угрожающие размеры он имеет уже сейчас, и в результате кризиса он может вырасти еще больше. Это может быть одним из самых опасных последствий кризиса для нас.

Не играет ли в этом смысле на руку работодателям значительное превышение предложения над спросом на рынке труда?

Сейчас соотношение спроса и предложения на рынке труда изменяется не в пользу кадров. Следовательно, эти факторы отрицательно повлияют на возможность повышения зарплат. Естественно, речь не идет о специфических профессиях, однако в краткосрочном разрезе трудно ожидать в нашей экономике общего ощутимого реального роста зарплат.

А что вы скажете по поводу объявленных правительством в качестве приоритетов отраслей ИТ и туризма?

ИТ как раз является одной из тех областей, где сокращения уже начались. Значительное число сокращений здесь не приняло таких очевидных форм, как в случае с Lycos – большой компании, которая закрылась сразу. Такого массового характера в других компаниях это не носит, однако сокращения все же идут. С другой стороны, кризис открывает определенные специфические возможности на мировом рынке ИТ, в частности, производства программного обеспечения, и надо надеяться, что наша индустрия сможет этим воспользоваться и выйти из кризиса с более сильными позициями. Что касается туризма, то все будет зависеть от числа туристов – не только зарубежных, но и внутренних. Объем внутренних потоков едва ли возрастет, если вообще не сократится. Количество туристов из-за границы предугадать очень трудно, однако думаю, что те факторы, которые можно учитывать при подобных прогнозах, направлены больше на сокращение.

Какие перспективы имеются в Армении для создания технопарков и инкубаторов?

Думаю, создание технопарков и инкубаторов является правильно выбранным направлением. Однако необходимо учитывать, что создать успешный технопарк очень трудно. Неудачных примеров здесь гораздо больше. Главное – технопарк необходимо создавать в определенной атмосфере. Создать технопарк в пустыне могут себе позволить только те страны, которые могут потом заполнить его нефтедолларами. Существует и вариант строительства технопарка под одну крупную международную компанию. Но такой вариант требует четких соглашений и инвестиционных обязательств, причем достаточно крупных, способных стать системообразующими.

Можно ли сравнить регионы Армении с пустыней?

Трудно провести прямое сравнение. В любом случае, наилучшим решением может стать создание технопарков на базе учебных заведений и научно-исследовательских институтов.

Весь смысл технопарка состоит в сближении науки, образования и производства – в технопарке они не должны существовать отдельно друг от друга. Большинство вузов и исследовательских институтов сейчас находится в Ереване – возможно, правильнее было бы перенести некоторые из них в области. Но когда в регионах не решены элементарные проблемы, создание технопарков является гораздо более трудной задачей. Что касается проекта техногорода в Гюмри, то нужно время, чтобы увидеть, насколько его потенциал сможет реализоваться. Определенные предпосылки там существуют, но они не складываются в необходимую критическую массу. Преимущество Гюмри – это значительный научный потенциал. Без этого технопарк превратится просто в агентство по управлению недвижимостью.

Какой Вы видите роль государства как заказчика ИТ-услуг?

Госзаказы – один из самых действенных видов помощи, которую государство может оказать частным компаниям. В частности, государство может заказывать частным компаниям создание и обслуживание своих информационных систем в разных областях, включая оборонную. Например, развитие отрасли ИТ в Израиле было во многом связано с выполнением оборонных разработок. В Армении вопрос национальной безопасности также стоит достаточно остро – так что в этой области могло бы быть проведено большое число разработок.

Какого объема рынок может обеспечить государство?

Трудно назвать конкретную цифру, однако эта помощь могла бы стать существенной – особенно в условиях финансового кризиса. Госзаказы могли бы стать буфером для поддержания рабочих мощностей действующих ИТ-компаний и сделать их более конкурентоспособными по прошествии кризиса.

Каковы, на Ваш взгляд, основные проблемы, стоящие сегодня перед отраслью ИТ в Армении?

Краткосрочная проблема – это снижение спроса на внешних рынках. В условиях кризиса в мире постепенно усиливается тенденция к сокращению аутсорсинга и переносу разработок программ «домой». Естественно, ИТ-отрасль Армении испытывает от этого определенные неудобства. Второе – необходимость наличия базовой инфраструктуры, необходимой для развития отрасли. Сюда входят венчурные фонды, так как большинство ИТ-проектов относятся к рисковому – а это значит, что в объеме их финансирования банковские кредиты не могут занимать существенное место. Кроме того, это институты, оказывающие помощь коммерциализации разработок.

Как Вы оцениваете государственную поддержку бизнесу?

На мой взгляд, программа не должна быть «порывистой». Необходимо наличие конкретных институциональных механизмов. Такими могли бы стать венчурный фонд для рискованных проектов, и инвестиционный фонд – для более стабильных. Такие фонды могут управляться частными компаниями, но в решениях о выдаче средств решающую роль играет государство. Преимущество создания специализированных фондов состоит в четкости используемых критериев и прозрачности распределения средств.

По рейтингу Всемирного экономического форума, Армения имеет наиболее низкие показатели по защите интеллектуальной собственности, этическому поведению фирм и антимонопольной политике.

Защита интеллектуальной собственности является традиционно слабой в развивающихся странах. Крупные компании не прилагают больших усилий по защите своих авторских прав в этих странах, понимая, что покупательная способность в них невысока. В подобной ситуации крупные фирмы больше заинтересованы в распространении своих продуктов – пусть и нелегальном. Но при такой ситуации серьезные инвестиции в страну, естественно, не придут. Если мы рассчитываем на инвестиции, защита интеллектуальной собственности должна стать для нас первоочередной. Главный вопрос здесь в исполнении существующего законодательства. Что касается этики, то здесь, на мой взгляд, необходимо наличие примеров успеха компаний именно благодаря высокому уровню этического и социального поведения. Успешный пример – «Виваселл-МТС», осуществляющая большое число социальных программ и одновременно являющаяся крупнейшим налогоплательщиком республики. Думаю, наличие таких примеров меняет мышление людей. Про борьбу с монополиями многое уже сказано, но я хотел бы добавить о действенности хотя бы нескольких успешных антимонопольных акций на наиболее нашумевших рынках.

Возможно ли, что разбирательства будут носить фиктивный характер?

Весь смысл в том, чтобы они были реальными. Ведь мы все знаем, о ком идет речь – разбирательства должны касаться именно их.

Что необходимо сделать, чтобы инвестиции в Армению были направлены не только в освоение ресурсов, но и в технологии?

Здесь нужно разделять понятие правильного направления инвестиций и «эффекта распространения» (spillover effect). Ведь любая страна, в которой осуществляет инвестиции крупная компания, заинтересована не только в создании рабочих мест. Задача еще и в том, чтоб эта компания приносила технологии, активизировала смежные отрасли. Для того, чтобы иностранные инвесторы вкладывали в высокие технологии, а не в эксплуатацию ресурсов, однозначно необходима приоритизация со стороны государства. Причем налоговых льгот здесь недостаточно – льготы может объявить любая страна. Мы должны предложить те специфические ресурсы, которые сами по себе привлекают инвесторов. Например, Израиль привлекает крупные компании большим числом инженеров высокого класса, инфраструктурой, а теперь уже и индустрией венчурного капитала. Мы должны найти свой специфический ресурс.

В качестве такого часто указывается высококвалифицированная рабочая сила...

Человеческий капитал очень важен, но его нужно постоянно совершенствовать, иначе он быстро амортизируется – как, например, высококлассный кадровый резерв, оставшийся от советского времени. В этом отношении есть определенная возможность достижения лидерских позиций в региональном масштабе в сфере научных разработок в узкоспециализированных областях. Есть сферы, которые требуют не столько развитой инфраструктуры, сколько именно качественные человеческие ресурсы. Это, естественно, не означает, что можно обойтись без инвестиций. С нынешними 0,2% на научные разработки в ВВП мы не сможем добиться успеха. Поэтому, возможно, удельный вес R&D в проектах частного бизнеса можно сделать одним из критериев получения правительственной поддержки.

Большую роль может сыграть также резерв Диаспоры. Диаспора может стать полезной не столько в финансировании, сколько в области налаживания эффективных связей с международными корпорациями, задействования социального капитала и интеллектуального потенциала. Но для этого сначала Армения должна вкладывать в Диаспору. Наши

соотечественники за рубежом нуждаются в сохранении национальной идентичности. И здесь роль Армении может быть очень большой – роль центра всеармянской сети. Но для этого нужно лидерство, которое может исходить только из Армении.

Спасибо за интервью

Арам Гарегинян, АрмИнфо, 20.04.09.